

УДК 801.73

ГИПОТЕТИЧНОСТЬ ПРИ МОДЕЛИРОВАНИИ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ФЕНОМЕНОВ

И.В. Соловьева

Тверской государственной университет, Тверь

В статье представлена точка зрения на гипотетичность как встроенный в лингвистическое моделирование метод исследования. Гипотетическое моделирование является эффективным методом интерпретации и получения знаний, вовлечённых в феномены интеллекта и духовности, которые не всегда достижимы эмпирическим путем.

Ключевые слова: гипотетичность, индивид, моделирование, продукция, рецепция.

Современная филологическая герменевтика представляет собой дисциплину, стремящуюся преодолеть недостаточность учёта лингвистикой той части человеческой субъективности, которую принято называть душой или духовностью. Следовательно, современная отечественная и зарубежная лингвистика нуждается в увязывании антропологичности и социального характера языка в пределах объекта исследования. Это происходит на фоне очевидного вклада философской составляющей языкознания, определившей различия между феноменами духа, сознания и мышления в пределах речемыследеятельности.

В этом направлении решаются приоритетные задачи филологической герменевтики, поскольку не все лингвистические методы исследования направлены на обеспечение возможности «проникновения через букву в дух». В ряду других это задачи интерпретации смысла понимаемого в пределах любого речевого события, речевой природы феноменологического переживания, освоения смыслов высказывания, взаимодействия интенциональности и интенсинальности. При этом пути исследования понимания как совокупности процессов продукции / рецепции речи-текста носят, в той или иной мере, гипотетический характер. Это обосновано тем, что гипотетическая модель предполагает учёт закономерностей процесса или состояния объекта, отображая на определённый момент уровень знаний или представлений исследователя.

Следовательно, гипотетичность при построении моделей, описывающих любые стороны языковой деятельности, не является следствием заблуждения. Гипотетическое моделирование применяется тогда, когда имеющихся эмпирических знаний недостаточно для конструирования формальной модели или необходимо спроектировать пути приоб-

ретения фактологической информации. Кроме того, умозрительность, как правило, играет роль одного из центральных методов везде, где индивид стремится познать себя. Представляется, что именно вследствие этого гипотетичность, «встроена», в первую очередь, в исследования процессов конструирования и понимания речи.

Моделирование замещает один объект другим с целью получения информации о важнейших свойствах оригинала с помощью объекта-модели. Гипотетичность при моделировании языковых процессов обеспечивает, как правило, плодотворные попытки проникновения в универсум индивида путём умозрительного конструирования его речевой деятельности. Гипотетическое моделирование присутствует в лингвистике на всех уровнях теоретических построений от филологического моделирования личности реципиента / продуцента речи, через моделирование собственно речевой деятельности, и далее – к схематизации её элементов. Поскольку деятельность находится в отношении непосредственной принадлежности к речи, все лингвистические модели характеризуются стохастичностью. При этом им присуще наличие некоторой структуры, уподобленной структуре объекта – оригинала. Модель, при этом, является квазиобъектом, позволяющим либо получать новые знания об оригинале, либо осмысливать уже имеющиеся. Если результаты моделирования подтверждаются и могут служить основой для прогнозирования, то модель полагается адекватной объекту, причем адекватность модели является функцией от цели моделирования и принятых критериев [12].

Признаки гипотетического моделирования можно усмотреть в лингвистике почти в любом направлении поиска и на любом уровне научного абстрагирования – от философии языка (к примеру, [5]) до проектирования деятельности по продукции / рецепции речи [16] и структурного анализа [8]. За пределами «чистой лингвистики» имеется ряд универсально применимых моделей, разработанных Г.П. Щедровицким, в том числе модель мыслеДеятельности – т.е. усмотрения и конструирования умозрительно взятой закономерности, связанной с речевой и мета-речевой деятельностью индивида.

Гипотетическое моделирование, отображая вероятностные процессы и события, предоставляет возможности исследовать и случайные процессы, одновременно оценив их средние характеристики как серию похожих или однородных реализаций. Можно допустить существование статичных лингвистических моделей, задача которых состоит в фиксации состояния объекта в момент времени, но преимущество остается за динамикой, отражающей линейные, объёмные, смысловые или временные изменения объекта исследования. В этой связи заметим, что, не преследуя здесь задачу привести и проанализировать все существующие типы лингвистических моделей на предмет их умозрительности, ста-

тичности или динамичности, рассмотрим то, в какой степени принцип гипотетичности, встроенный естественным образом в лингвистику, регулирует в её феноменах и процессах учёт идеального. Учёт идеального связан с включённостью в них индивида, который, познавая себя, гипотетически моделирует собственную языковую деятельность.

Базовая лингвистическая категория «структура» в качестве объекта умозрительного конструирования начала свою жизнь как статическая гипотетическая лингвистическая модель. Ж. Делез определяет минимальные условия возникновения любой языковой структуры: 1) наличием двух разнородных серий, «означающей» и «означаемой», поскольку одной серии недостаточно для создания структуры; 2) отношениями, поддерживаемыми внутри этих двух серий, и выражаемыми в специфичных терминах, включением внутрь обеих серий событий-сингулярностей, поддающихся выделению внутри структуры; 3) наличием парадоксального (проявляющегося наличием или отсутствием) элемента-различителя в обеих сериях [3, с. 70–71]. Динамический потенциал этой модели проявила впоследствии эпоха постструктурализма.

Гипотетическое моделирование управляет, на наш взгляд, и существованием и модифицированием основной схемы стандартной коммуникации «отправитель – сообщение – адресат». Эта безоговорочно принятая модель, при всей её прозрачности и стабильности, также содержит элементы гипотетичности и стохастичности, поскольку «не описывает адекватно действительные процессы коммуникативного взаимодействия» [16, с. 14], т.е. является, по сути, динамической для случаев исследования реальных коммуникативных событий.

«На самом деле в процессе коммуникации могут одновременно участвовать различные коды и субкоды, сообщение может восприниматься в различных социокультурных обстоятельствах (так что коды адресата могут отличаться от кодов отправителя), адресат может проявлять разного рода “встречные инициативы”, иметь свои собственные исходные предположения (пресуппозиции, *presuppositions*), строить собственные объяснительные гипотезы (абдукции, *abductions*) – и в силу всего этого сообщение (в той мере, в какой оно воспринимается адресатом и превращается в содержание некоего выражения) становится не более чем пустой формой, в которую могут быть вложены различные смыслы» [Цит. соч., с. 14–15].

Цитируемый здесь У.Эко не ограничивается моделированием собственно процесса коммуникации, но и конструирует динамический образ модельного читателя, индивида, участвующего в так или иначе организованном автором процессе текстовой коммуникации.

Так как моделирование процесса коммуникации не объясняет многих её сторон, на помощь приходит практика моделирования когниции и понимания для объяснения структурных характеристик речитекста, способствующих их эффективности. Отнесём сюда, в числе дру-

гих, и наглядные графические модели: к примеру, модель понимания и производства текста (model of text comprehension and production).

Существующие теории чтения описывают отдельные этапы процесса: распознавание букв и слов, понимание значений слов, синтаксическое членение предложения, включение смысла текста в корпус иных существующих знаний. Теория Кинча и ван Дейка [19], притом, что всеобъемлюще и детально описывает процесс чтения, начиная с распознавания отдельных слов и до конструирования репрезентативного смысла текста, тем не менее, представляет собой продуктивную гипотетическую модель. Более поздний конструктивно-интегративный вариант модели [17; 18] подтверждает её гипотетический стохастический характер, поскольку очевидно то, каким образом она становится основанием для последующего лингвистического моделирования.

Именно гипотетическое моделирование, по нашему мнению, способно обеспечить решение комплекса задач в области продукции и понимания речи как процессов, вовлекающих разнородные компоненты коммуникативного события: собственно понимание, микро- и макро-структуру текста, предзнание и знание, интенции, внутренний и внешний контексты и т.д. Такого рода моделирование призвано решать задачи в области коммуницируемости рассуждений в связи с тем, что человек часто не может передать своё представление о мире, реализованное в объекте, предмете или понятии в ситуации предметной коммуникации. Даже в том случае, если объект доступен чувственному восприятию и можно прямо указать на него, общение страдает неизбежной недостаточностью, и это ещё более очевидно в ситуации непредметной коммуникации. В этом случае, в особенности в научном общении или при передаче любых знаний, эффективнее использовать модель объекта, которая может быть динамичной, реализованной в предмете или понятии, но, при всей реалистичности, в определённой мере она будет оставаться умозрительной.

Актуальность метода гипотетического моделирования на данном этапе развития лингвистической науки объясняется конечным характером материала, подлежащего описанию, с одной стороны, и насущными вопросами, связанными с исследованием универсума языковой личности – с другой. Модели, которые уже используются, обладают определённой степенью допущения и являются де-факто гипотетическими. Большинство рабочих лингвистических моделей по сути умозрительно представляют различные процессы в пределах языковой / речевой деятельности. Подробный обзор точек зрения М.Л. Макаровым [10, с. 22–29] демонстрирует пределы сферы обсуждения основных моделей речевой коммуникации, среди которых наиболее заметными являются кодовая, инференционная и интеракционная. Все эти модели основаны на детальном описании линейной передачи информации от продуцента к

реципиенту через цепочку преобразований и могут, по мнению автора, в значительной мере не объяснять феномена языкового общения, ибо оценка степени научности лингвистического исследования зачастую основана на представлении о принадлежности лингвистики к естественнонаучной парадигме и стремлении к математическому идеалу.

На первый взгляд, антропологичность лингвистики, определяемая предметом её исследования, устанавливает тесную взаимосвязь лингвистики с естественными науками. В этой связи М.Л. Макаров отмечает двусмысленность положения человековедческих дисциплин, которые, с одной стороны, «вписаны» в естественнонаучную парадигму, а с другой, являясь, по сути, социальными, часто основаны на умозрительных методах исследования, что и порождает сомнения в достоверности полученных результатов. Поскольку «человек в отношении к миру и другим людям обладает таким же сознанием, как и сам исследователь», приходит к выводу цитируемый автор, социальные науки формируют особую методологическую парадигму, обслуживающую анализ бессознательных объектов.

Основное теоретическое преимущество применения умозрительного подхода состоит в том, что, анализируя дискурс как процедуру текстопостроения и смыслопорождения, исследователь-семиолог способен максимально приблизиться к предмету своего исследования – коммуникации [11, с. 89]. Приведём здесь в качестве иллюстрации то, как М.М. Бахтин представляет себе работающую в художественном тексте стохастическую модель деятельности языковой личности в том виде, в каком она предлагается читателю Ф.М. Достоевским:

«... изобразить внутреннего человека, как его понимал Достоевский, можно лишь, изображая общение его с другим ... Основная схема диалога у Достоевского очень проста: противостояние человека человеку, как противостояние “я” и “другого”» [1, с. 435].

По этой причине в центр художественного мира Достоевского помещён диалог, и не как средство, а как самоцель, само действие. Он не средство раскрытия, обнаружения как бы уже готового характера человека. В диалоге человек впервые становится тем, что он есть, не только для других, но и для себя самого, так как быть – значит общаться диалогически. «Когда диалог кончается, всё кончается. Поэтому диалог, в сущности, не может и не должен кончиться» [там же]. Однако следует признать, что отстаивая гипотетичность как продуктивный лингвистический метод и создавая в процессе понимания рабочую динамическую ментальную модель дискурса, мы не можем в каждый момент быть полностью уверены в правильности выбора самой модели из-за относительно бесконечного множества возможных положений вещей.

Исследование возможностей организации процесса понимания в герменевтике в целом и в герменевтике дискурса в частности идёт также путём поиска конкретных способов соотнесения знакового текста с интеллектуально и духовно детерминированными процессами понимания, рефлексии и смыслообразования. За динамической лингвистической моделью герменевтикой признаётся способность управлять интерпретационной деятельностью индивида там, где техничность понимания теоретически полагается одним из главных условий его успешности. Понимающая личность как человек, рассматриваемый с точки зрения его готовности понимать чужие речевые произведения и создавать речевые произведения, оформляющие его собственное понимание, т.е. интерпретировать, пользуется, фактически, некой «моделью культурно предопределенных “пониманий”» [9, с. 37]. Прагматика, в свою очередь, также активно использует элементы гипотетического моделирования, описывая объёмные речевые ситуации в терминах изначально психоаналитических скриптов и фреймов, с целью отразить факт погруженности речи в социальный контекст [14]. Однако,

«... если бы нас интересовало то, как абстрактный автомат строит модель дискурса, мы могли бы прибегнуть к ловкому теоретическому трюку: постулировать недетерминированное устройство, которое всегда строит правильные модели, т.е. указывает верный ответ посредством волшебства. Интерпретация дискурса, однако, зависит как от деятельностной модели, так и от процессов её построения, расширения и оценки. Единичная модель может символизировать бесконечное множество возможных моделей, потому что, хотя и строится только одна модель (основанная на ряде произвольных допущений), она может рекурсивно пересматриваться в свете последующего дискурса» [6, с. 235].

Учёт фактора обращения к бессознательному в структурах опыта индивида в пределах концепции, направленной на описание интерпретационной составляющей дискурса, представляет собой гипотетическую реконструкцию пути, по которому продуцент / реципиент речи-текста идет к формированию смыслового комплекса. При этом гипотетическая реконструкция, взятая в качестве метода, может оказаться достаточно плодотворной.

В связи с обсуждением сферы нерелефлексированного в опыте индивида неизбежно возникает вопрос о природе и степени умозрачительного допущения в пределах моделируемых механизмов. Природа допущения объясняется фактом обращения рефлексии на структуры опыта и мышления, что обеспечивает усмотрение аналогий и связей как в опыте, так и в системе речевой деятельности. Динамичность лингвистических моделей объясняется природой понимания, которое, будучи принципиально процессуальным, задействует и механизм усмотрения реализации потенциально удачных интерпретаций лингвистического феномена и оценку результата интерпретации или её хода, воплощенную по-разному в зависимости от личностных характеристик интерпретатора [4, с. 123].

С достаточной долей уверенности мы можем констатировать, что различные аспекты деятельности языковой личности по продукции и пониманию речи-текста могут быть эффективно исследованы с помощью гипотетической стохастической динамической модели.

Допустимость гипотетического моделирования как неотъемлемого компонента исследовательской работы объясняется необходимостью «дистраивания» фрагментов моделируемого лингвистического объекта до целостного вида, и «присмысливания» отсутствующих фактов для схватывания целостности.

Природа понимания и рефлексии как интеллектуальных и духовных процессов, включающих множество действий, процедур и техник, «обеспечивающих переход от непонимания чего-либо к пониманию этого или пониманию другого» [2, с. 3], также объясняет потребность большинства лингвистических моделей в умозрительном компоненте.

Список литературы

1. Бахтин М. Проблемы поэтики Достоевского [Текст] / М. Бахтин. – М. : «Художественная литература», 1972. – 469 с.
2. Богин Г.И. Субстанциальная сторона понимания текста [Текст] / Г.И. Богин. – Тверь : Твер. гос. ун-т, 1993. – 137 с.
3. Делез Ж. Логика смысла [Текст] / Ж. Делез : пер. с франц. – М. : Изд. центр «Академия», 1995. – 298 с.
4. Демьянков В.З. Интерпретация политического дискурса в СМИ [Текст] / В.З. Демьянков // Язык СМИ как объект междисциплинарного исследования : учеб. пособие / отв. ред. М.Н. Володина. – М. : Изд-во Моск. гос. ун-та, 2003. – С.116–133.
5. Деррида Ж. Диссеминация [Текст] / Ж. Деррида : пер. с франц. – Екатеринбург : У-Фактория, 2007. – 608 с.
6. Джонсон-Лэрд Ф. Процедурная семантика и психология значения // Новое в зарубежной лингвистике. – М. : Прогресс, 1988. – Вып. XXIII. Когнитивные аспекты языка. – С. 234–257.
7. Залевская А.А. Психолингвистические исследования. Слово. Текст : избр. тр. [Текст] / А.А. Залевская. – М. : Гнозис, 2005. – 543 с.
8. Леви-Строс К. Структурная антропология [Текст] / К. Леви-Строс : пер. с франц. – М. : Академический Проект, 2008. – 555 с.
9. Литвинов В.П. Рефлексивная задержка как вход в пространство понимания [Текст] / В.П. Литвинов // Понимание и рефлексия : Мат-лы Второй тверской герменевтической конференции. – Тверь : Твер. гос. ун-т, 1992. – Ч.2. – С. 14–21.
10. Макаров М.Л. Основы теории дискурса [Текст] / М.Л. Макаров. – М. : ИТДГК «Гнозис», 2003. – 280 с.
11. Миловидов В.А. Введение в семиологию [Текст] / В.А. Миловидов. – Тверь : Твер. гос. ун-т, 2003. – 176 с.
12. Основные понятия теории моделирования и классификация видов моделирования [Электронный ресурс] / URL : <http://zxshader.narod2.ru/D7/V58/> – Дата обращения : 25.09.2012. – Загл. с экрана.

13. Путнам Х. «Гипотеза врожденности» и объяснительные модели в лингвистике [Текст] / Х. Путнам // Философия языка / Ред.-сост. Дж.Р.Сёрл : пер. с англ. – М. : Едиториал УРСС, 2004. – С 178–191.
14. Трегубова Ю.О. Фрейм «Образование» в американском и британском педагогическом дискурсе [Текст] / О.Ю. Трегубова // Человек в коммуникации: концепт, жанр, дискурс : сб. науч. тр. – Волгоград : Парадигма, 2006. – С. 238–243.
15. Хомский Н. Современные исследования по теории врожденных идей [Текст] / Н. Хомский // Философия языка / Ред.-сост. Дж.Р. Сёрл : пер. с англ. – М. : Едиториал УРСС, 2004. – С. 167–178.
16. Эко У. Роль читателя: Исследования по семиотике текста [Текст] / У. Эко : пер. с англ. и итал. – СПб. : «Симпозиум», 2005. – 502 с.
17. Kintsch, W. The Role of Knowledge in Discourse Comprehension: A Construction-integration Model [Text] / W. Kintsch // Psychological Review. – 1988. – Vol. 95. – Pp. 163–182.
18. Kintsch, W. Comprehension: A Paradigm for Cognition [Text] / W. Kintsch. – Cambridge : Cambridge Univ. Press, 1998.
19. van Dijk, T.A. & Kintsch, W. Strategies of Discourse Comprehension [Text] / T.A van Dijk, W. Kintsch. – New York : Academic Press, 1983. – 418 p.

ON HYPOTHESIZE MODELING OF LINGUISTIC PHENOMENA

I.V. Solovyeva

Tver State University, Tver

The article states that it is not only natural, but also useful to introduce hypothetic method when building up a linguistic model. A researcher could not even do without it while studying discourse production and perception.

Keywords: *hypothesize modeling, personality, production, perception.*

Об авторе:

СОЛОВЬЕВА Ирина Валерьевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии Тверского государственного университета, e-mail: ira_geger@mail.ru